

станию все большего интереса к политическим событиям современности, потребности в живейшем на них отклике.

В том же 1815 г. начались «боевые» схватки его литературных учителей с очагами литературного «староверия» — «Беседой любителей русского слова» и Российской академией, возглавлявшимися адмиралом Шишковым, ярким противником идей Просвещения и французской революции, которые, как он считал, нес с собой карамзинский «новый слог». Для борьбы с «шишковистами» был организован под знаменем карамзинизма и при активнейшем участии Жуковского шуточный литературный кружок, устав и заседания которого пародировали «Беседу». Один из приверженцев Шишкова направил донос на Карамзина, нелепо обвиняя его не более, не менее как в «якобинстве». И в пародийно-насмешливый ритуал арзамасцев был демонстративно введен головной убор якобинцев — «красный колпак», надевавшийся на голову председателя и новопринятого члена. Одним из самых первых выстрелов по «беседчикам» и явилась острая эпиграмма на «угрюмую», «злую» и «глупую» «тройку супостатов», сложенная Пушкиным, которому оказался особенно по душе один из наиболее сильных вольтеровских приемов борьбы с противниками — оружие убивающего смеха, взятое в свои руки арзамасцами.

Стать членом «Арзамаса» Пушкин не мог, поскольку питомцы Лицея за все время обучения не должны были ни на один день покидать его стен. «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей русского слова», — жаловался он Вяземскому за год до окончания учения. Но последующими эпиграммами и посланиями к арзамасцам, полными резких сатирических выпадов против «друзей непросвещения», «Сверчок»-Пушкин (его условное «арзамасское» имя) принимал в этом активнейшее участие.

Но в еще гораздо большей степени необыкновенная стремительность роста Пушкина сказалась в его гражданской лирике.

В патриотический контекст «Воспоминаний в Царском Селе» наряду с гордостью поэта своим народом, не только отстоявшим Родину, но и освободившим от наполеоновского ига Европу, искренне вошло, отражая господствовавшие тогда настроения широких общественных кругов, несколько восторженных строк в адрес триумфально возвращающегося в отечество царя-героя, того, кто «взял Париж» и «создал Лицей» (несмотря на последующее резчайшее-отрицательное отношение к Александру I, Пушкин считал эти два события объективно историческими его заслугами). Но «обманные» настроения «любви, надежды, тихой славы» не долго тешили уже и тогда проявившего исключительную зоркость поэта. Вместо либерального Сперанского из-за спины царя стала все больше вырастать зловещая фигура Аракчеева. И вот всего через два-три месяца после «Воспоминаний» и за пять лет до знаменитого рылеевского послания «К временщику» Пушкин пишет и публикует свое, якобы переведенное «с латинского» послание «К Лицинию», в котором иносказательно, но в полном соответствии с политическими реалиями текущего дня бичует нового «любимца деспота» — всевластного временщика, наложившего «ярм на Рим», и бесстыдную толпу гнуших перед ним спину льстецов и рабов. Вместе с тем это сатирическое послание окрашено высоким и гордым гражданским лиризмом («Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода. Во мне не дремлет дух великого народа»), завершаясь предупреждающей кондовкой (первый пушкинский «урок царям»): «Свободой Рим возрос, а рабством погублен». Все это придает посланию особое значение. В нем — зерно «вольных стихов» поэта; мало того, основные мотивы его будут повторяться и в дальнейшем (конец 20-х и даже 30-е годы) его творчестве.

На лицейской лирике Пушкина это пока еще непосредственно не отразилось. Она по-прежнему развивается в русле «легкой поэзии» — малых жанров карамзинизма. Но, начиная с того же 1815 г. — первой заметной